

Г. ЛУКОМСКІЙ

ВѢНОКЪ НА МОГИЛУ

ПЯТИ ДѢЯТЕЛЕЙ ИСКУССТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАНИ“ БЕРЛИНЪ

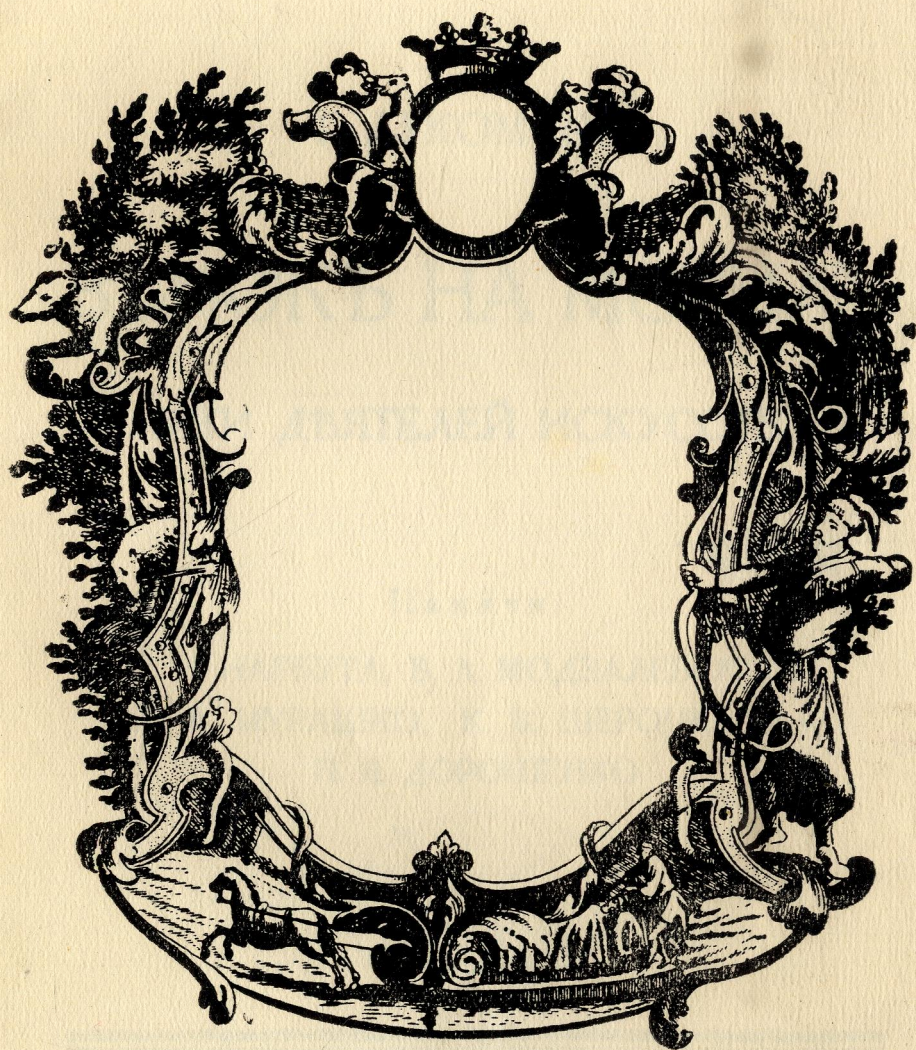
13.460

Львів. Бібліотека
АН УРСР

Г. ЛУКОМСКИЙ
ВѢНОКЪ НА МОГИЛУ

Дар. 213-6/14 50
Св. сп. 52.74м. - див. с.с.р
1949

Наизмови

144. 6.

06
20

Львів. Библиотека
АН. УРСР
13.460

Г. ЛУКОМСКИЙ

ВЪНОКЪ НА МОГИЛУ

ПЯТИ ДѢТЕЛЕЙ ИСКУССТВА

Памяти:

Е. И. НАРБУТА, В. Л. МОДЗАЛЕВСКОГО,
А. А. МУРАШКО, К. В. ШЕРОЦКАГО и
П. Я. ДОРОШЕНКО

30485

Библиотека
АН. УРСР
13.460

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАНИ“ - БЕРЛИНЪ

Ц 03 (2P=P)5

Л. УКОМОСН

НОКР НА МОЛНУ

АВТОРЕН ПОСЛАСТВА

1918

ПРИМКА

ОТЪЗНАВАНОМ А. А. МОДЗАЛСКОГО

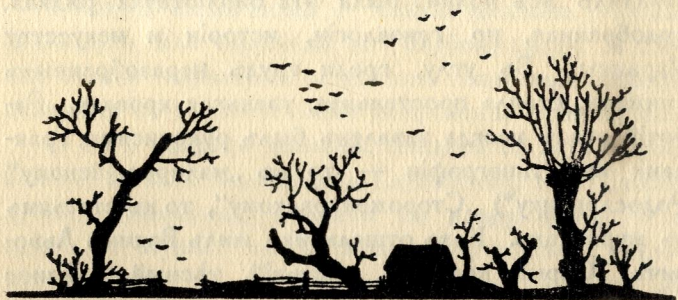
А. А. МУРАШКО, К. В. ШЕРОЖКАТО

П. Я. ДОРОШЕНКО

Львівська державна
наукова бібліотека

№

7184

Въ Георгіевскомъ переулочкѣ, въ маленькомъ деревянномъ особнячкѣ, противъ сада съ сѣрымъ, покосившимся досчатымъ заборомъ, за которымъ видѣлись засохшія вѣтви кленоваго куста, а вдали сіяли золотыя главы и звѣзды, усыпающія синіе барочные куполы „банныхъ“ покрытій Софійскаго Собора, — жили да поживали два друга, влюбленные въ эту украинскую архитектуру храма, влюбленные настолько, что и поселились-то они противъ Собора, чтобы видѣть его всегда.

Егоръ Ивановичъ Нарбутъ и Вадимъ Львовичъ Модзалевскій — о нихъ идетъ тутъ рѣчь — обставили двѣ своихъ пріемныхъ „парадныхъ“ комнатки, какъ могли лучше, съ трогательностью дѣвичьей. Свезъ Вадимъ Львовичъ изъ Чернигова, — гдѣ жилъ онъ передъ тѣмъ года четыре во флигелѣ Дома Дворянства секретаремъ, — свезъ онъ сюда, при гетманѣ Скоропадскомъ, картины свои — три любимыхъ портрета, два примѣчательныхъ натюръ-морта, да стекло старинное украинское — медвѣдки, фаянсъ межигорскій, полтавскія игрушечки глиняныя, фарфоровыхъ чашекъ „миклашевскихъ“ съ пятокъ, тканей да ковриковъ яркихъ нѣсколько штукъ, чернофонныхъ, что попроще, ковровъ десятокъ, и книгъ — цѣлую комнату! Ими

завалилъ всѣ полки: была эта библіотечка рѣдкая, подобранная, по генеалогіи, исторіи и искусству Украины. Въ углу, среди грудъ неразобранныхъ книжекъ, стояла простенькая, узенькая кровать. Рабочій столъ всегда заваленъ былъ рукописями, гранками изъ типографіи — то къ „малороссійскому“ Родословнику*) „Стороженковскому“, то къ статьямъ въ журналахъ. Какъ отшельникъ жилъ Вадимъ Львовичъ. Сѣрый костюмъ, узенькій, тѣсный, блѣдное съ точеными, красивыми чертами лицо, борода длинная; глаза смотрять спокойно, радушно, ласково; видно, только и интересуется его — архивъ какой-нибудь, да грамота жалованная, да гербокъ панскій.

Егоръ Ивановичъ устроилъ себѣ большую комнату — цѣлое зальце. Корельская „ампирная“ — крѣпостная — мебель изъ Полтавщины стояла вдоль стѣнъ: диванъ — диву дашься! и гдѣ это онъ съумѣлъ такой диванъ достать диковинный — длинный-предлинный, и стройный, и стильный, и при томъ гарнитуръ цѣлый — и кресла, и стулья, все одно къ одному. А по стѣнамъ, — своихъ вещей онъ не любилъ вѣшать, — старые портреты, рисунки пріятелей по „Міру Искусства“; но особенно цѣнны были курьезные провинціальныя портреты „барынь“, куппа какого-то съ медалью на шеѣ, и панночки хрупкой, съ голубыми лентами. Полки полны были стеклышекъ, фарфора. А книгъ тоже много, и все по искусству, дорогихъ, да еще съ автографами — отъ друзей!

Старая шаль разложена на роялѣ, и чудесный съ разводами коверъ на полу. Настоящій праздникъ, а не коверъ! Какъ взглянешь — такъ на душѣ повеселѣеть. Чего, чего только тутъ не было!? И птицы пѣли, и ягоды дозрѣвали, и цвѣты благоухали

*) До революціи не разрѣшено было называть официально „Украинскій“ Родословникъ.

— и все на солнечномъ — свѣтло-желтомъ — фонѣ. А вокругъ шли гирлянды по голубому полю. И стояли стулья корельскіе и столикъ овальный передъ диваномъ на этомъ-то полѣ ковровомъ, какъ живые.

А вотъ войдетъ хозяинъ, пойдетъ съ развалъцей, полный и, какъ полковникъ Глуховской, или Стародубскій, солидный, пойдетъ по коврику этому, — а одѣтъ въ жупанъ синій, подпоясанъ поясомъ широкимъ, обутъ въ сапожки желтые, — пойдетъ по ковру — хоть портретъ пиши на всемъ этомъ фонѣ полусказочномъ.

Пышный, розовый, дородный и разодѣтый по украински, то съ улыбкой, а то и со строгою дѣловитостью, Егоръ Ивановичъ покорялъ своею рѣчью, говоромъ, словечками всякими, остроуміемъ и знаніями, удивлялъ начитанностью, для художника необычною; эрудитъ былъ настоящій. И потому часто такъ къ нему заходили и Зайцевъ изъ Академіи Наукъ, и Бойчукъ — художникъ-техникъ, и помощникъ Модзалевскаго Морозовъ. Двое друзей, земляковъ-черниговцевъ, сдружились въ Черниговѣ. Тамъ, въ уютной прохладной квартиркѣ Модзалевскаго, въ домикѣ 1830-ыхъ годовъ, въ открытыя окна неся цвѣточный ароматъ липовыхъ деревьевъ, а на полу, крашенномъ желтой масляной краской лежали „диновки“, полосатые, какъ на *interieur*’ѣ Зеленцова или Зарянки, и сіяла голубыми отблесками краснаго дерева мебель, а витринки были полны миниатюръ и чашечекъ, что собиралъ годами Вадимъ Львовичъ у антикваровъ — Идлиса да Шлепянова въ Черниговѣ, — и на столѣ стояла красной искрою горящая рюмочка наливки-вишневки. Тамъ и сговорились они жить вмѣстѣ въ Кіевѣ. И поселились, и работали много и дружно на славу искусства и народа родного — и вмѣстѣ, одинъ — ректоръ Академіи Художествъ, дру-

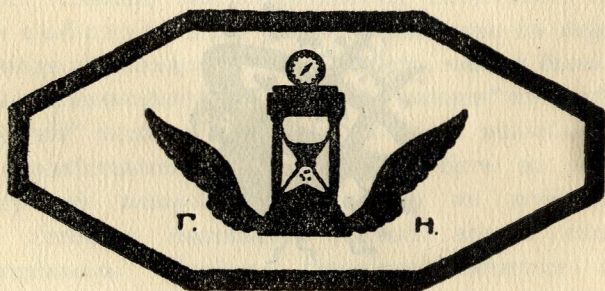
гой — „голова архивнаго правленія“, — вмѣстѣ были они видными фигурами и въ эпоху Гетмана и при Директоріи. Даже совѣтская власть ихъ не трогала, хотя робѣлъ бѣдняга Нарбутъ — доносы были на него, что онъ, „боротьбистъ“ и противъ московскихъ большевиковъ. Вмѣстѣ и „упразднены“ были заненадобностью при Добровольцахъ, когда не оцѣнили ихъ громаднхъ заслугъ передъ краемъ, — и отстранили отъ должностей, не дали больше кредитовъ „на художниковъ“, велѣли передать всѣ спасенныя Модзалевскимъ (съ февраля 1918 года), архивы — въ вѣдѣніе самозваннаго „Комитета охраны старины“ основаннаго карьеристами, мало общаго имѣвшими съ этимъ дѣломъ.

Рухнуло сразу все удовольствіе жизни для Вадима Львовича. Незаслуженно отстраненный отъ любимаго дѣла, онъ былъ этимъ сильно подавленъ. Въ такомъ же состояніи находясь (я вѣдалъ архитектурой всѣхъ церквей и музеевъ Ханенковскимъ) — послѣдній разъ видѣлъ я этихъ друзей передъ своимъ отъѣздомъ изъ Кіева, откуда всѣ старались бѣжать. Уѣхалъ и я. А оба друга заболѣли. Оба страдали отъ непризнанія, неблагодарности людской, оба стали нуждаться сильнѣе и сильнѣе. Поправился послѣ тифа Егоръ Ивановичъ, заболѣлъ Вадимъ Львовичъ. Едва успѣвала жена помогать то одному, то другому. А тутъ еще дѣти маленькія Е. И. Нарбута, славненькія, пяти и четырехъ лѣтъ.

Стали они продавать свои любимыя вещицы, спустили за гроши — надо же было существовать — все любимое, накопленное годами. Хотѣли было магазинъ устроить, да не удалось; поставили этикетки, списокъ-каталогъ составили, цѣны обдумывали, смѣялись, шутить старались... Но смѣхъ этотъ сквозь слезы былъ. И начали приходить и брать

вещи чужіе люди, вещи выбирать особо цѣнныя, ибо не могъ художникъ Нарбутъ просто кое-какія вещи покупать. Пусть это были вещи недорогія, не лучшія — но это были вещи тонкія, „вкусныя“ и типичныя.

И снова заболѣлъ Егоръ Ивановичъ. А за нимъ его другъ. И не прошло трехъ - четырехъ мѣсяцевъ — не выдержали оба лишній, не пережили моральнаго угнетенія — и понесли гробы съ ихъ тѣлами подъ своды того самаго собора, на куполахъ котораго мерцали даже вечеромъ звѣзды золотыя, на купола котораго сквозь сучья дерева любовался Нарбутъ и утромъ, одѣваясь, и ночью среди работы, когда, освѣщенные луною, купола эти мерцали таинственно и многогѣчиво. Не даромъ просилъ Нарбутъ о срубкѣ этого дерева сухого: мѣшало оно ему видѣть силуэтъ храма древняго. И срубили дерево, да любоваться некому стало. Опустѣлъ домикъ на Георгіевскомъ переулкѣ.

Какъ быстро! Еще въ іюлѣ собрались мы на Лукьяновкѣ, на Татарской улицѣ близъ Кмитова Яра у Бойчука, профессора Академіи Художествъ, и въ садикѣ, среди черешневыхъ, усыпанныхъ плодами деревьевъ между кустарничкомъ смородиновымъ, на сочной высокой травѣ мы отдыхали; въ тѣни березовой аллеи накрытъ былъ столъ, и ученицы и ученики „мастерни“ угощали насъ и варениками съ вишнями и галушками и „взваромъ“ пшеничнымъ. Выпилъ Егоръ Ивановичъ воды изъ колодца, выпилъ ее и Бурачекъ, и оба слегли черезъ пару дней. Потомъ возвратный тифъ, и черезъ полъ года не стало Нарбута — крѣпыша, богатыря.

Другое дѣло Модзалевскій: онъ всегда былъ очень хилъ и страдалъ отъ болѣзней не мало. И не удивительно, что его слабый организмъ, расшатанный нуждой и лишеніями, не выдержалъ болѣзни, унесшей его въ могилу...

Въ лицѣ Нарбута понесла утрату не только Украина, но и вся Россія, которой онъ до 1917 года отдалъ не мало своихъ силъ; это утрата всего художественнаго міра, ибо Нарбутъ, какъ графикъ, былъ едва ли не лучший въ мірѣ, и во всякомъ случаѣ единственный въ своемъ родѣ.

Ученикомъ реального училища пріѣхалъ онъ въ 1906—7 г. изъ Глуховскаго уѣзда въ Петербургъ къ Рериху—учиться. Вскорѣ они не сошлись, и Нарбутъ, „взявъ“ однако отъ Н. К. Рериха не мало полезнаго въ знаніи искусства, — переѣхалъ къ Билибину.

И. Я. Билибинъ, какъ педагогъ и графикъ, конечно, оказалъ огромное вліяніе на творчество Егора Ивановича. Подъ знакомъ Билибина сложилась вся техническая основа дарованія Нарбута. Но его графическое умѣніе и мастерство еще поразительнѣе, чѣмъ Билибинское. Складъ, индивидуальность, сюжетность были его собственныя уже и тогда, даже въ первый періодъ дѣятельности. Быть можетъ, манера была нѣсколько заимствованная, но не „привились“ къ Нарбуту „русскіе“ сюжеты, И. Я. Билибинымъ излюбленные и разрабатываемые. Сдѣлалъ Нарбутъ на заказъ одну-двѣ акварели и перешелъ къ игрушкамъ, къ дѣтскимъ сказкамъ. Искать всегда своихъ матеріаловъ. Періодъ Билибина смѣнился совмѣстною работою Егора Ивановича со мною. Онъ перебрался ко мнѣ на Васильевскій Островъ, на 22-ю линію, и здѣсь мы съ нимъ вдвоемъ работали во всю, исполняя заказы, устраи-

вая выставки. Ъли и блины, запивали рябиновой и закусывали копчушкой жареной и икрою паюсной. Хорошо жилось намъ. Жизнь же онъ велъ такую: ежедневно бѣгаетъ по знакомымъ, — людей любилъ, былъ общителенъ очень, — а поужинавъ, съ 11—12 вечера, — какъ засядеть, — такъ до утра, до 7—8 часовъ все и работаетъ заказы. А Гроссманъ и Кнебель, а Грабаръ и Голике и другіе „забрасывали“ его заказами. И, казалось, бралъ онъ не мало денегъ за работы свои, всегда гордо отстаивая достоинство и авторитетъ художника, и всѣ къ нему шли, просили работать, — а умеръ — бѣднякомъ совершеннѣйшимъ.

У меня онъ прошелъ курсъ „архитектурнаго образованія“, конечно, краткій и весьма своеобразный. Онъ сталъ присматриваться къ архитектурнымъ памятникамъ старины, къ проектированію, и вотъ отчего впослѣдствіи, начавъ композиціи „видѣнія“, въ которомъ значительную роль играли архитектурные мотивы, онъ такъ легко, такъ виртуозно съ ними справлялся: перспектива его никогда не смущала, самые трудные ракурсы, удаленія, тѣни въ перспективѣ, отраженія въ застывшей, какъ зеркало, водѣ, ряда нагроможденныхъ зданій — его не смущали, напротивъ онъ, казалось, любитъ эти затрудненія, которыя съ легкостью преодолеваетъ, какъ опытный математикъ разрѣшаетъ самую трудную задачу. Онъ полюбилъ, живя у меня, архитектуру усадьбы (я увлекался тогда Батуринымъ дворцомъ гетм. Разумовскаго), церкви, иконостасы.

На лѣто мы разстались — и осенью онъ уже женился и сталъ жить самостоятельно. Въ его квартирѣ на Александровскомъ проспектѣ мы видѣлись рѣже. Здѣсь онъ увлеченно работалъ надъ силуэтами. Потомъ онъ выполнилъ огромную работу по иллюстрированію „Георгіевскаго Статута“; здѣсь его бли-

зость съ моимъ братомъ—историкомъ и геральдикомъ была крайне полезна. Онъ узналъ благодаря брату прелесть геральдическихъ звѣрей, травъ и полей, коронъ и щитодержателей. Полюбилъ, увлекся и, ставъ художникомъ гербоваго отдѣленія, не мало иллюстрировалъ книгъ брата, и среди другихъ наилучшій трудъ: Малороссійскій Гербовникъ (сборникъ гербовъ украинскихъ фамилій); далѣе онъ выполняетъ огромную серію военныхъ символическихъ картинъ, помѣщенныхъ въ „Лукоморьѣ“, съ орлами, флагами и всякими военными атрибутами. Это расцвѣтъ его графическаго и колористическаго дарованія. Одновременно, можно смѣло сказать, всѣ лучшія книги, издаваемые въ „Сиріусѣ“, у Голике и Вильборга („Галиція“, „Харьковскія усадьбы“, „Басни Крылова“, „1812 годъ“) были имъ иллюстрированы.

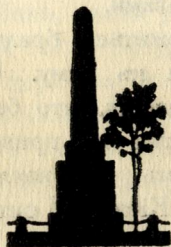
Умная, логичная, совершенно безупречная композиція, пріятный эластичный штрихъ (но никогда не перомъ, Е. И. рисовалъ всегда кистью), выработка и проработка деталей, свидѣтельствующія объ огромной выдержкѣ (я вспоминаю, какъ напролетъ цѣлыя ночи онъ просиживалъ за рисункомъ, „заполняя“ въ немъ иногда за это время всего $\frac{1}{4}$ поля или узоръ ткани), и одновременно красивая легкая внѣшность его рисунковъ дѣлали его самымъ желаннымъ, самымъ подходящимъ, искуснымъ графикомъ. Е. И. былъ заваленъ заказами.

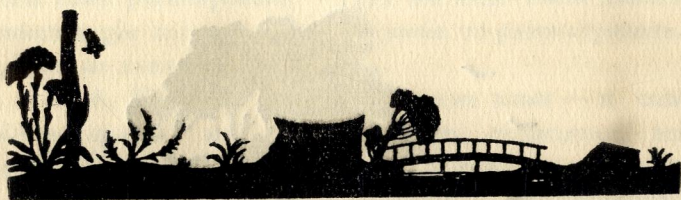
Онъ сталъ дорожиться, бралъ недоступныя цѣны, и, однако, всѣ шли къ нему. Онъ сталъ уставать. Послѣ революціи, увидя, что бесѣды въ Совѣщаніи по дѣламъ искусства не приводятъ къ благопріятнымъ результатамъ, онъ взялъ командировку для осмотра дворца въ Кіевѣ. И онъ не вернулся болѣе въ Петроградъ.

При гетманѣ Скоропадскомъ онъ занялъ постъ художника Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ и разработалъ рисунки для украинскихъ денежныхъ знаковъ (впослѣдствіи были выпущены знаки по этимъ его рисункамъ; они не были очень удачными). Но зато печать Академіи Художествъ, которую онъ скомпановалъ, — одна изъ лучшихъ его работъ.

Вскорѣ онъ изъ профессоровъ былъ выбранъ въ ректоры академіи, каковымъ и оставался до своей преждевременной смерти.

Послѣднія работы его — композиціи фантастическаго характера: руины, нагроможденія старыхъ стѣнъ, башенъ, арокъ, обломковъ, карнизовъ, капителей, поросшихъ травой, съ засохшими сучьями деревьевъ, видѣнія и сны, смѣшеніе впечатлѣній отъ Петербурга, Кіева, Галиціи, Рима. Часто у подножія замковыхъ стѣнъ лѣпится маленькій домикъ 1840-ыхъ годовъ съ готическими переплетами окна, съ разноцвѣтными стеклышками, за которыми свѣтится огонекъ, вдали туманы, лунный свѣтъ четко падаетъ спереди и тѣни ложатся съ поразительной вѣрностью схваченнаго перспективнаго рисунка на плиты; картины - предвидѣнія, картины, изображающія міръ по ту сторону бытія...

Вадимъ Львовичъ Модзалевскій, ученый архивистъ, генеалогъ. Оставилъ послѣ себя рядъ трудовъ, изъ коихъ самымъ капитальнымъ былъ „Родословникъ“, потомъ „Дневникъ Марченко“ и др. Редактировалъ „Наше Минувле“. Любилъ старину всяческую, особенно украинскую. Собралъ воедино въ зданіи Первой Гимназіи всѣ архивы Кіева: губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, казначейства, консисторіи, полковые и даже жандармскаго управленія. Подбиралъ и систематизировалъ этотъ матеріалъ. Сотрудничалъ понемногу въ петербургскихъ журналахъ.

Но любезнѣ всего его душѣ было рыться въ пыли архивной. И много, много неразгаданныхъ, неясныхъ и требующихъ еще толкованія документовъ имѣлъ онъ въ виду опубликовать. Смерть унесла цѣннаго работника, рѣдкаго знатока украинской исторіи, „нашего минулого“.

73.460

Львівська державна
наукова бібліотека

№

7184

Львів. Бібліотека
АН УРСР

А. А. Мурашко я видѣлъ въ послѣдній разъ въ день его смерти. Былъ жаркій лѣтній вечеръ. Александръ Александровичъ Мурашко, служившій завѣдывающимъ художественно-издательскимъ отдѣломъ Всеукраинскаго Издательскаго Комитета при ЦИК-ѣ, сильно волновался. Мы, не совсѣмъ понявъ другъ друга, долго пререкались о томъ, кому быть завѣдывающимъ, кому помощникомъ. А. А. согласился быть во главѣ, но съ тѣмъ, чтобы Нарбутъ, я, Рерихъ и Макаренко посѣщали службу хоть одинъ — два часа въ день (но мы всѣ были такъ заняты, служа въ пяти-шести учрежденіяхъ одновременно, что и часа въ день удѣлить нельзя было). Рерихъ манкировалъ. Макаренко осматривалъ и спасалъ частныя коллекціи, Нарбутъ уже заболѣлъ. Я работалъ по изученію церквей, торопясь довести работу къ осени до конца, въ музеѣ Ханенко, гдѣ тоже торопился съ описями, и вотъ А. А. былъ недоволенъ. Грозилъ бросить дѣло. Тѣмъ болѣе, что оно ему не было по душѣ. Онъ хотѣлъ писать этюды, картины задумалъ. Педагогія

его тоже разочаровала. Тутъ же надо было давать композиціи плакатамъ, кіоски какіе то разсматривать. Дѣло не клеилось.

А. А. Мурашко былъ недоволенъ нами — и онъ былъ правъ: мы, конечно, его подводили, не являясь на службу; ему могли быть предъявлены требованія о работѣ, а ея не было. Такъ, впрочемъ, прошло всего пять, семь дней.

Мнѣ стало искренно жалко Александра Александровича, художника чистой [воды, который взялся за дѣло — и не сумѣлъ его наладить. Но дѣло было совѣтское — въ сущности онъ, ярый украинецъ, шелъ на компромиссъ. Я вспомнилъ, какъ онъ вмѣстѣ съ архитекторомъ Дьяченко явился ко мнѣ въ февралѣ и убѣждали сидя въ моемъ кабинетѣ въ музеѣ Ханенко, — не принимать на себя обязанностей завѣдывающаго отдѣломъ изобразительныхъ искусствъ („Пластичныхъ мистецтвъ“) въ новорожденномъ отдѣлѣ искусствъ Нар. Ком. Просвѣщ. Тогда я отказался, пошелъ замѣстителемъ къ Нарбуту, котораго выдвинулъ завѣдывающимъ. Дѣло было устроено къ общему удовольствію. Но не прошло и двухъ недѣль, какъ этотъ мазуренковскій украинскій отдѣлъ искусствъ былъ раскассированъ (Юрій Мазуренко замѣнилъ уѣхавшаго П. Я. Дорошенко, къ которому я и обращался еще въ концѣ января съ проектами различныхъ работъ по описанію [усадебъ, по снятію и обмѣрамъ церквей). Приѣхало изъ Харькова новое правительство и новый завѣдывающій Отдѣломъ Искусствъ Гастевъ. Я былъ приглашенъ по отдѣлу архитектуры, Нарбутъ остался по прикладному искусству, а во главѣ изобразительнаго искусства былъ поставленъ цѣлый комитетъ, и тамъ оказались Нарбутъ, Рерихъ, Бойчукъ. Мурашко не входилъ,

Дьяченко тоже. Они заняли болѣе непримиримую позицію къ этому новому „Кабинету“. И въ Академіи Художествъ, въ сущности образованной по иниціативѣ Мурашко (онъ и былъ первымъ ея ректоромъ) онъ оставался внѣ служебныхъ обязанностей. Теперь, вспоминая это, я прихожу къ выводу, что онъ, очевидно, работалъ въ другихъ партіяхъ, и ему неудобно было итти на правительственную службу. Несомнѣнно, и Бѣляшевскій, и Нарбутъ были противниками совѣтской власти но Бѣляшевскій умѣлъ удивительно ладить со всѣми и всюду проникать, а Нарбутъ и не разъ волновался, и я помню рассказъ его о томъ, какъ къ нему явился какой-то матросъ и предупредилъ его о томъ, что онъ, зная его, Нарбута, какъ замѣчательнаго художника, долженъ спасти, его, такъ какъ въ спискахъ чрезвычайки прошло имя его, какъ кандидата... Матросъ оказался товарищемъ Нарбута по Реальному Училищу; и Е. И. послѣ его предупрежденія долго не выходилъ изъ дому, а по вечерамъ никогда не выходилъ послѣ девяти. Онъ опасался, что его дружба со Скоропадскимъ, рисованіе портрета гетмана и пр. его компрометируютъ. Это было вполне возможно.

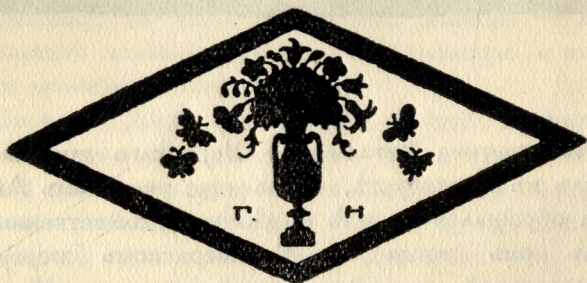
Въ чека былъ изрядный сумбуръ. Произошло много „ошибокъ“ отъ спѣшки и неувѣренности во власти и вотъ то, что постигло бѣднаго А. А. Мурашко—несомнѣнно, одна изъ такихъ ошибокъ, въ связи съ перепутанными списками, или случайно не зачеркнутой рукой Лациса (или Петерса) написанной, можетъ быть, по другому дѣлу фамиліей на обрывкѣ бумаги. Впрочемъ, А. А., повторяю, несомнѣнно былъ въ украинскихъ партіяхъ — члены ихъ подвергались гоненію. Въ это время антибольшевистскія войска шли уже отъ Житомира на Кіевъ.

А. А. Мурашко возвращался въ часъ ночи съ

женой своей изъ гостей къ себѣ въ свой домикъ на Лукьяновку. Онъ не боялся ходить такъ поздно, такъ какъ у него былъ въ карманѣ выданный „Всеиздатомъ“ билетъ-пропускъ, Когда мы разстались съ нимъ въ 5^{1/2} час. дня, онъ, прекрасно помню это, сильно былъ чѣмъ-то разстроень, какъ будто чѣмъ-то помимо неурядицы въ дѣлахъ Всеиздата. Онъ торопился. Мы едва попрощались, и бросивъ намъ послѣднія слова упрека за то, что его подводимъ онъ ушелъ впередъ, спускаясь быстро по лѣстницѣ огромнаго дома по Фундуклеевской № 32. На его слова никто изъ насъ не отвѣтилъ. Постоянно заикаясь, повторяя слова „такъ сказать“, онъ что-то еще сказалъ уже внизу, но мы не разслышали, разговаривая громко о другомъ. Его силуэтъ, какъ сейчасъ помню, въ сѣромъ костюмѣ, симпатичный профиль мелькнулъ четкимъ рисункомъ на фонѣ солнечной улицы (въ аркѣ) и — у меня пронеслась мысль, какое то безсознательное, или какъ говорятъ, подсознательное недоброе предчувствіе: куда, я думалъ, онъ такъ торопится, пошли бы, поговорили о дѣлахъ, и чего онъ такъ взволнованъ? Я спросилъ Козлова почему онъ не ладить съ Мурашко. Козловъ отвѣтилъ мнѣ, что это не такъ. Просто, у Мурашко непріятности—онъ былъ вѣдь вызванъ въ Чека, его, кажется, даже арестовали за невзносъ контрибуціи за домъ (у него былъ свой собственный особнякъ, оставшійся ему отъ отца). Будто бы въ Чека онъ неосторожно себя велъ, о чемъ жена Мурашко ему рассказывала. Его освободили на основаніи бумаги, указывавшей на его должностное положеніе, но его заявленіе о нежеланіи платить и тѣ фразы, которыми онъ — какъ передаютъ со словъ жены — могъ задѣть самолюбіе какихъ-нибудь двухъ-трехъ красноармейцевъ, могли ему стоить жизни.

Такъ какъ разъ и случилось. Въ часъ ночи къ нему, шедшему съ женой подъ руку, подошла компанія изъ трехъ солдатъ и заявила, что онъ арестованъ, что онъ можетъ женѣ отдать все, что при немъ есть цѣннаго и что его немедленно должны повести на судъ. Почувявъ что-то недоброе, М. просилъ, чтобы и жена сопровождала его, но ее насильно заставили идти домой. Едва она дошла до крылечка дома, какъ увидѣла, что мужъ бросился бѣжать отъ нихъ. Очевидно, за эту одну-двѣ минуты Александръ Александровичъ опредѣлилъ, что его ведутъ не въ чека, а попросту въ поле на разстрѣлъ безъ суда, ибо направленіе, взятое его конвоирами, было какъ разъ въ сторону выѣзда изъ города, а не на Липки. Зная отлично окрестности и предполагая, что солдаты не знаютъ такъ хорошо мѣстъ этихъ, онъ рѣшилъ добѣжать до извѣстной ему ямы, — канавы, которая образовывала подъ заборомъ щель, въ которую онъ могъ бы пролѣзть и, попавъ въ садъ, скрыться подъ покровомъ темноты. Но едва онъ влѣзъ въ эту яму — канаву, какъ его пиджакъ (мнѣ врѣзался въ память сѣрый костюмъ, въ которомъ онъ былъ за 6—7 часовъ до убійства) на спинѣ (последнее впечатлѣніе — силуэтъ со спины въ аркѣ въ тѣни на фонѣ солнца) за что-то зацѣпился, и онъ застрялъ подъ заборомъ. Такъ какъ онъ спускался ногами, то голова его осталась по эту сторону (на улицѣ), а туловище и ноги уже были въ саду; его настигли. Моментъ — и онъ былъ бы, можетъ быть спасенъ — но выстрѣлъ въ затылокъ и — смерть на мѣстѣ. Безслѣдно исчезли убійцы. Цѣнные вещи у жены. „Случай“ этотъ стоилъ жизни талантливейшаго художника Украины, Малявина и Кустодіева Украины, Яроцкаго Украины. Правда, онъ учился въ Петербургѣ и Мюнхенѣ, но его школа, сюжетъ

всегда были украинскими. Я не видѣлъ его послѣднихъ работъ, я не былъ ни разу ни у него, ни въ его мастерской, но видѣлъ его вещи въ Мюнхенѣ, Венеціи, Римѣ. Это были отличныя, богатые вещи.

Константина Виталіевича Шероцкаго впервые я узналъ въ Петербургѣ, когда еще ученикомъ Айналова обращался ко мнѣ по дѣламъ художественнымъ. Жилъ онъ тогда на Кронверкскомъ переулкѣ въ маленькой, темной, узенькой студенческой комнаткѣ. Пыль, груды книгъ, желѣзный умывальникъ на трехъ ножкахъ, но на полкахъ каталоги „фишекъ“; уже тогда, въ 1909—1910 г. онъ систематизировалъ свои знанія. Писалъ объ убранствѣ украинскаго дома. Ко мнѣ его привело желаніе посмотрѣть серію рисунковъ усадебъ Украины. Черезъ десять лѣтъ я случайно поселился въ его комнатѣ. Это было въ Кіевѣ при гетманѣ. Остановился я у Василя Степановича Кульженко, энтузіастичнаго, вѣрнаго друга всѣхъ насъ, художниковъ, и всего прекраснаго. Приѣхалъ я къ нему изъ Петербурга и прямо какъ къ себѣ домой. И уютъ, и ласка, и забота встрѣтили меня въ домѣ В. С. Кульженко. Я очутился въ комнатѣ Константина Виталіевича Шероцкаго,

который жилъ у Кульженко, жилъ года три. Всѣ его книги были тутъ-же. Шероцкій писалъ книгу „Кіевъ“ (изданіе Кульженко). Непріятностей изъ-за враговъ и завистниковъ у него было немало. Напали на него за двѣ-три ошибки и промахи въ текстъ его въ общемъ хорошей книги. Къ развившемуся у него вслѣдствіе этого угнетенному состоянію прибавились еще личныя житейскія неудачи, и Константинъ Витальевичъ рѣшилъ уѣхать въ деревню въ любимую Подолію. Тамъ онъ скоро былъ выбранъ профессоромъ Каменецкаго университета. Но все время хвораая, онъ вынужденъ былъ снова уѣхать въ деревню къ отцу-священнику; не было лѣкарствъ, доктора — и въ результатъ нелѣпая смерть отъ недосмотра и отсутствія врачебной помощи.

Во время Директоріи, когда я жилъ недѣли четыре въ глуши Радомысльскаго уѣзда, когда я имѣлъ случай наблюдать, какъ зарождались банды и формировались войсковыя части, въ мѣстѣ, гдѣ скрещивались всѣ пути, по которымъ двигались эти части — въ Коростышевѣ, — я наблюдалъ много и часто и народное броженіе, и бандитизмъ, и желаніе бороться, и просто разгулъ отъ бездѣлья, — „охоту“ на людей, привычку къ войнѣ и вызванныя этой боевой кочевой жизнью новыя черты человѣческаго духа, и атавистическій инстинктъ, и карьеризмъ, и стихійность, и сознательность, — когда я сталъ близко къ самой глухой толщѣ крестьянской массы, живя въ крестьянской хатѣ и наблюдая эту жизнь и боевую, и политическую, вдали отъ центра, — я подумалъ — К. В. Шероцкій, — вотъ кто зналъ свой народъ украинскій, зналъ его исторію, его запорожское, боевое, кочевое прошлое, вѣчныя возстанія, порабоженія, чередованія „игъ“ и „вліяній“. Къ этому народу уѣхалъ онъ изъ Кіева.

Кто знает? Если бы онъ остался въ Кіевѣ, его, быть можетъ, пощадила - бы смерть. Но здѣсь, въ глуши, безъ мыла и свѣчей, безъ чая и необходимѣйшихъ лѣкарствъ, — онъ сталъ жертвой горячей любви своей къ землѣ, къ родинѣ, и жертвой „заклевавшихъ“ его коллегъ по наукѣ, противниковъ Украины, разныхъ бездарныхъ выскочекъ. Мы часто вспоминали съ душевнымъ Васи́ліємъ Степановичемъ Кульженко Костю. Жалко было молодого ученаго. Рѣдкій знатокъ украинскаго быта и народнаго творчества погибъ въ немъ.

Вскорѣ послѣ установленія власти гетмана Скоропадскаго, на постъ начальника „Главнаго Управленія Искусствъ“ былъ назначенъ П. Я. Дорошенко. Но собственно и самый-то вопросъ о созданіи такого органа — Управленія Искусствъ выдвинулъ ни кто иной, какъ Петръ Яковлевичъ. По Черниговской губерніи землякъ Скоропадскаго, онъ не мало способствовалъ укрѣпленію власти гетмана на мѣстѣ. Въ Черниговской губ. Петръ Яковлевичъ игралъ видную роль и въ выборахъ, и въ дѣлахъ; всѣ губернаторы съ нимъ считались, — а онъ самъ оставался въ тѣни, уклонялся отъ назначеній, чиновъ и орденовъ. При гетманѣ Петръ Яковлевичъ не могъ ужъ болѣе отказываться отъ официальныхъ постовъ, и онъ выбралъ то, что было ему болѣе всего по душѣ — область искусства. Вмѣстѣ съ Модзалевскимъ, съ которымъ онъ и въ Черниговѣ дружилъ, и Нарбутомъ онъ рѣшилъ основать Управленіе искусствъ, особый органъ съ правами Министерства.

Раздѣлили они Управленіе на отдѣлы: охраны старины, изобразительныхъ искусствъ, архивный и др. Пригласили Бѣляшевскаго, Павлуцкаго. Модзалевскій взялъ на себя завѣдываніе архивами. Нарбутъ назначень былъ ректоромъ Академіи, Зайцевъ главнымъ секретаремъ. Пошла работа. И первый камень послѣ революціи 1917 г. былъ заложенъ П. Я. Дорошенко правильно. А поэтому и позже, когда на смѣну гетману пришла директорія — все оставалось въ Управленіи Искусствъ попрежнему. И когда 20 января я пріѣхалъ въ Кіевъ, послѣ переворота, засталъ я все тѣхъ же лицъ на своихъ мѣстахъ. И въ общемъ дѣло шло хорошо.

Пришелъ и я къ П. Я. Дорошенко. Пообѣщаль онъ разсмотрѣть мою докладную записку о необходимости снаряженія экспедиціи по изслѣдованію и спасенію усадебъ. Но время не благопріятствовало этому. „Да что Вы, голубчикъ“, воскликнулъ П. Я., подымаясь при моемъ входѣ къ нему въ кабинетъ послѣ доклада его чиновника особыхъ порученій Дахновича. — „Да какъ же это можно?“ проговорилъ онъ зычнымъ голосомъ, „да какъ же Вы теперь-то хотите ѣхать по усадьбамъ ихъ фотографировать да изучать? Да половины и нѣтъ уже. Я самъ отъ Очкина и слѣдовъ не видѣлъ, а Качановка тоже снесена. Да и Вамъ голову снесутъ, только суньтесъ, за шпіона примутъ. Да время ли? Что Вы, что Вы?“, Я отвѣтилъ, что готовъ рисковать жизнью, что пріѣхалъ изъ Петербурга, чтобы работать по искусству, что мнѣ хочется полезное дѣлать, с п а с а т ь именно, а если нельзя будетъ спасать, то я уѣду обратно въ Петербургъ.

Мы встрѣтились черезъ дня четыре съ П. Я. на балу въ Академіи Художествъ. Это была послѣдняя встрѣча.

Типичная вечеринка въ Академіи. Веселились, танцевали. Въ залѣ пусто, жарко, табуреты, покрыты паромъ окна. Дуетъ. Чай разносятъ, фрукты. Въ гостиныхъ чинно, скучно. За столами сидятъ, важно бесѣдуютъ. Я подошелъ къ Дорошенко, подѣлъ Мурашко, ходилъ въ синемъ жупанѣ и желтыхъ сапогахъ Нарбутъ. Модзалевскій и его жена тутъ же. Говорили всѣ о томъ, что и какъ реформировать. Дорошенко былъ невеселъ. „Да что тамъ реформировать, какъ бы власть сохранить“. На мои напоминанія о проектѣ обслѣдованія и спасенія, пока не поздно, того, что возможно только, гдѣ возможно, вблизи желѣзныхъ дорогъ, онъ только рукой махнулъ. Видно, у него были свѣдѣнія о скоромъ паденіи Кіева. Ему предстояло „уходить“.

Черезъ недѣлю онъ скрылся. Я зашелъ на его квартиру на Театральной площади, гдѣ была часть его серебра (рѣдкія вещи), портреты, ковры, мебель интересная, но его уже не было.

П. Я. Дорошенко уѣхать въ Винницу, оттуда въ Одессу, тамъ жилъ по чужому паспорту, подъ видомъ доктора. Уѣхать изъ Одессы онъ не могъ и не хотѣлъ. Директорія не помогла ему: не такой ужъ онъ имъ былъ близкій человѣкъ. Его терпѣли въ Кіевѣ, какъ художественнаго дѣятеля, но не забывали его личныхъ отношеній къ Скоропадскому.

Положеніе его было очень трудное: безъ средствъ, въ чужомъ городѣ.

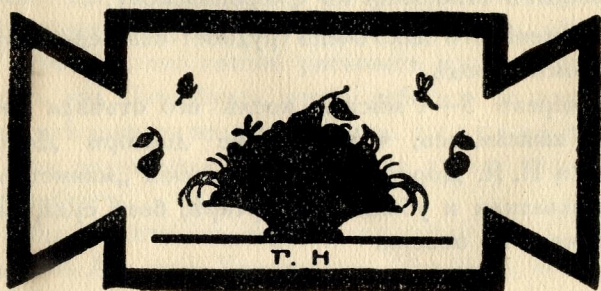
И черезъ 3—4 мѣсяца послѣ его отъѣзда изъ Кіева выяснилось, что онъ не докторъ Дорошенко, а П. Я. Дорошенко — гетманскій „министръ“ и его схватили и убили на квартирѣ, безъ суда, да же въ чека не повели.

* * *

Не прошло и года со времени этой послѣдней встрѣчи на вечеринкѣ въ Академіи, и пяти изъ участниковъ ея не стало.

Быть можетъ, изъ нихъ Дорошенко наименѣе извѣстенъ, какъ художественный дѣятель, но здѣсь нужно упомянуть о его заслугахъ. Заключаются они въ томъ, что онъ впервые создалъ учрежденіе, которое ставило себѣ задачи объединенія художественныхъ силъ и охраны старины. Учрежденіе это существовало вплоть до прихода въ 1919 г. Добрарміи и снова было возстановлено въ январѣ 1920 г., — съ перерывами существуетъ и до сихъ поръ. Онъ затѣялъ доброе дѣло, умѣлъ привлечь талантливыхъ людей и не его вина, что объединивъ ихъ, давъ каждому изъ нихъ соответствующую его силамъ работу, онъ не былъ въ состояніи гарантировать имъ возможность дальнѣйшей работы, и самъ погибъ вмѣстѣ съ ними.

Украина, историческая наука, искусство Украины съ благодарностью и огромной скорбью должны будутъ всегда вспоминать имена погибшихъ пяти дѣятелей искусства, прославившихъ родину талантомъ своимъ.

РУССКАЯ ТИПОГРАФИЯ Е. А. ГУТНОВА, BERLIN S 14,
DRESDNERSTRASSE 82—83

0,90 (1984)

7184 pl y

12.05.5

Г. ЛУКОМСКИЙ

ВѢНОКЪ НА МОГИЛУ

ПЯТИ ДѢЯТЕЛЕЙ ИСКУССТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАНИ“ БЕРЛИНЪ